

Татьяна Бершадская

СНЯТО! ВСЕМ СПАСИБО

РЕЖИССОР

КАМЕРА

ДАТЕ

Татьяна Бершадская
Снято! Всем спасибо

«Издательские решения»

Бершадская Т.

Снято! Всем спасибо / Т. Бершадская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907570-3

Вам остается только открыть книгу и начать читать. Судя по названию, это что-то кинематографическое... В общем, да! Это фрагменты из разных фильмов про одну жизнь. Здесь нет почти ни одного выдуманного рассказа. Поэтому истории получились смешные и грустные — как в настоящей жизни. Скучно не будет, обещаем! Все герои живут и здравствуют в маленькой стране по имени Израиль. То, что вы прочитаете здесь — и проза, и стихи, — было написано и опубликовано на Facebook в течение пяти месяцев.

ISBN 978-5-44-907570-3

© Бершадская Т.
© Издательские решения

Содержание

Одесский цикл	6
У моря, у черного моря...	6
И снова, и всегда	8
Цирк	10
Шаланды, полные кефали	12
О негасимой и большой любви	15
Еще несколько одесских зарисовок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Снято! Всем спасибо

Татьяна Бершадская

© Татьяна Бершадская, 2018

ISBN 978-5-4490-7570-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одесский цикл

У моря, у черного моря...

ДНТ – Дом народного творчества, улица Гоголя, г. Одесса. Я сижу в холле и жду руководителя ВИА (вокально-инструментального ансамбля) «Бегущая по волнам» Люду Филь. По сравнению со мной, 19-летней амбициозной девичей, все девочки в ансамбле старше. Мне немного не по себе, но отступить поздно – у меня прослушивание через полчаса. И от того, как оно пройдет, будет зависеть, примут меня в группу или нет.

Вы не хотите спросить, в качестве кого?

Ну, так и быть, я отвечу – в качестве ударника/цы.

Я на днях слушала «Бегущую по волнам» в Зеленом театре. Они играли и пели так здорово, так непохоже ни на кого! И это как раз было время, когда в моду входили женские группы. Это было очень круто – саксофон, соло, ритм, бас-гитара, ионика, ударные. Это был шик, особый мир эстрады, особые люди, особые отношения. Мне это все безумно нравилось. А тут еще оказалось, что в группу требуется именно ударник. Вот, спрашивается, куда меня понесло? Я барабаны и вообще, ударную установку, видела только издали.

После разговора с небольшим росточка девушкой, немного мужеподобной и говорящей низким голосом, я и пришла в ДНТ на прослушивание. Девушка оказалась самОй Людмилой Филь.

...Меня пригласили в большую комнату, похожую, скорее, на небольшой зал, и с места в карьер показали мой будущий инструмент. Я реально перепугалась – там был большой барабан, бонги, чарльстон, малый барабан, тарелки. В руки мне дали барабанные палочки и на стол положили щетки.

– Вот, – сказала Филь, – если имеешь шо сказать, так говори щас. Времени учиться нет, все это нужно было еще вчера. Мы спешим, у тебя три дня на обучение. Больше – ни часа. Всё. Вопросы есть?

Я молчала.

– Вопросов нет. Иди учись.

– Сама? – ужаснулась я.

– Слушай сюда, мАлая. Ты ж на фонО лабАешь. Разберешься. Ритм 3/4, перемежающаяся дробь, отрыв, форшлаги...

– Я не понимаю, – пролепетала я, – какая дробь?.. Отрыв чего?..

– Так, – Филь порылась в необъятной перемётной сумЕ, больше подходящей для дальних пустынных переходов с верблюжьим караваном, и вытащила оттуда кипу разрозненных листов.

– Это перепечатано с самоучителя игры на барабане. Там легко. С остальным разберешься по ходу дела. Слух у тебя есть, ритм ловишь четко. Это все, что надо...

Я так не думала. Тем более, что мне еще предстоял нелегкий разговор с бабушкой Аделей о трудной и безумно интересной жизни эстрадных музыкантов. А, кроме того, за неимением барабана, я должна была учиться «стучать» на любой (желательно, деревянной) плоской поверхности. Самой плоской и деревянной была поверхность обеденного стола. Подходили, также, столы кухонные. Репетиции на кухне, безусловно, были чреваты разборками с моими, далеко не спокойными соседями. Но... смелость города берет и я приступила к переговорам с бабушкой, вооруженная, на мой взгляд, убойной аргументацией. После моей вступительной лекции о великих музыкантах, начинающих свой звездный путь просто в чудовищных условиях и игравших на чем попало, включая фанерные крышки с нарисованной клавиатурой, бабушка сказала:

– Мне показалось или я таки не очень хорошо почистила уши спичкой с утра, но тока я не слышала в этой песне ничего за великих барабанщиков! Ну шо? Будешь петь дальше или где?

– Бабушка!.Ну как ты не понимаешь! Великие музыканты...

– Всё! Кончено! Где барабан? Я не поняла, на чем ты собралась играть?

– Стучать, – тихо говорю я, понимая, что вот сейчас все главное только начинается.

– Кому стучать? – с ужасом спрашивает бабушка, – деточка, шо ты сказала вот тока шо?

– Да никому! Стучать – значит играть на барабане. Палочками.

Бабушка недоверчиво смотрит на меня. Пришлось признаваться, что на ближайшие три дня моими барабанами будут столы и стулья.

– Вейзмир, – бабушка воздевает руки и возводит очи горе, – ты избрал евреев, но как по моему, таки сильно ошибся. Потому шо, Господи, где это видано, шоб аидише мэйделе¹ стучала, прости Господи, на барабане, а? Не-е-ет, ты скажи, Господи, как я дожила до этого щастя? И шо, к примеру, я скажу маме мальчика, с которым эта швицера, эта гопница будет иметь серьезные намерения?

Я ей скажу, к примеру: «Мадам Сойфер, моя внучка очень музыкальная девочка. Она играет на барабане». Так ты шо думаешь, мадам Сойфер зарыдает от восторга и даст свое «да» насчет женить своего Марика на этой талантливой барабанщице? А? Так?

Марик был сын бабушкиной приятельницы, той самой мадам Сойфер, и было ему лет 35.

Бабушка спала и видела меня с ним. Его мама тоже ко мне благоволила, а я его терпеть не могла, этого взрослого рыжего мужика, который при встречах со мной ухмылялся и говорил: «Ой, Танечка, тебе так нужен взрослый, умный и добрый друг, которому ты бы доверилась!»

Я не могла слушать эту галиматью, тем более что знала – Марик имеет в виду себя.

...Началась моя учеба. По утрам, до работы в библиотеке, у меня был час, и я стучала по краю нашего круглого стола в комнате. Бабушка демонстративно уходила в кухню и там отсиживалась, пока не уходила я. На работу. Вечером, когда все соседи покидали кухню ради «Семнадцати мгновений весны», я стучала на кухне по столам соседней.

На второй вечер «самашечая» Олечка пришла в кухню и заявила:

– Танечка, я не идиётка и понимаю, шо ты, разумная девочка, не просто так играешь на наших нервах и испытываешь терпение усех соседней, включая эту держиморду Тамарку. А ну скоренько скажи тети Оли, шо ты имеешь в виду? Почему я получаю головную боль через чужие тайны и безобразие в вечернее время в виде барабанной дробы? Шо это значит? Мой Вадик поёт в Опере, но ты хоть раз слышала, шо он репетирует на кухне, а?

Вадик, действительно, пел в Опере. А распевки устраивал в комнате, но это не спасало – вся наша «коммуна» «имела этих арий» с утра до вечера. Ну, не буду же я спорить с Олечкой, тем более, что это абсолютно бесполезно. Я и не спорю. Забираю свои палочки и щетки и ухожу.

Третий вечер был последним репетиционным. Наутро в субботу я пошла в ДНТ. «Бегущая по волнам» была в сборе. Начали репетицию. Долго рассказывать, но я ловила ритм, не сразу, но научилась правильно держать щетки для более мягкого звука; мои руки, ноющие от боли, выделявали такие пируэты, что мне и не снилось...

Но все это пришло не сразу.

Остается добавить, что группа «Бегущая по волнам» со мной в роли ударника дала три концерта. Это было офигительно!

Потом я влюбилась. На этом моя карьера эстрадного музыканта накрылась медным тазом. Но я ни о чем не жалею.

Мои барабаны все-таки звучали, и три вечера их разнообразные музыкальные пассажи уносились в высокое небо над городом Черного моря, самого синего из всех морей.

¹ Еврейская девочка – идиш.

И снова, и всегда

И снова, и всегда будет вспоминаться Зурбаган моего детства – моя Одесса у самого синего моря. Там жили родители моего папы. Все летние месяцы я проводила там, или у бабушки с бабушкой со стороны мамы. Вернее – так они делили меня. Полтора месяца у одних, полтора – у других.

Одесса... Сплошная радость бытия, походы с бабушкой Аделей на Привоз (страшно я любила это дело), нахальная весёлая битва за каждую копейку с обеих сторон. Поездки четвертым номером трамвая, который останавливался аккуратно на углу Пушкинской – Чичерина, на знаменитый пляж Ланжерон, где два легендарных шара по обеим сторонам лестницы, спускающейся прямо на пляжный песок, были видны издали. Они были так фотогеничны, эти шары, что, по крайней мере в пятерке фильмов об Одессе снялись.

Я приплясывала рядом с моей монументальной бабулей и трещала без конца обо всем, что видела и слышала. Я кружила вокруг нее – так была рада, что вот сейчас, через пять минут, кинусь в этот лягушатник и буду мокнуть до синих губ, до стучащих зубов, а бабушка будет кричать с берега:

– Выйди уже с воды! Ты имеешь шанс завтра таки не пойти на море, потому что будешь лежать в постели с температурой 41 градус!

Потом она теряла терпение окончательно и вытаскивала меня из воды, остывшую, дрожащую.

– Вот! Ты похожа на того глосю с лЕдника. Глаза тоже на одну сторону. Так перекривило, что я тебя почти не узнала у воде.

Она растирала меня большим махровым полотенцем, и я быстро переодевалась в сухое за импровизированной полотенечной ширмой.

Иногда с нами ходил дедушка и тогда:

– Нюся, шо ты сидишь как пришитый, иди пройдишь, дай ногам циркуляцию.

– Оставь меня в покое. Я смотрю газету.

– А дома ты не можешь? Иди, я тебе говорю. Там я видела наверху очередь за вишней. Иди займи!

– Та вишня сгорит, пока мы домой приедем.

– Не сгорит, не успеет. Да, майн шэйнэ пунэм²? (это уже мне). А я так хочу снова в этот визгливый, галдящий, весь в золотых бликах лягушатник, где и вода-то уже не вполне морская, потому что на этом мелководе, в основном, плещется малышня и дети постарше, вроде меня. Иногда кто-то не сдерживается и этот «бассейн», с водичкой цвета сами знаете чего, пополняется жидкостью хоть и солоноватой, но по составу далекой от морской воды. Но какая ерунда это все по сравнению со счастьем плескаться, визжать, прыгать, притапливать ближайших соседей и самой вдруг оказаться погруженной «с головкой» чьей-то мстительной рукой.

Но вот наступает самое мое любимое пляжное время – бабушка открывает сумку с едой. А там... Молодая картошечка с укропчиком, чесночком и сливочным маслом в стеклянной литровой банке под голубой капроновой крышечкой, помидоры «Бычье сердце» («та хіба ж це помідори? Це ж чистий м'яд! Дама! Дама! Ото дивыться, я тры на похід поклала. Дивыться, які гарні!»), огурчики, покрытые ознобными пупырышками, чуть примятые, в палевой скорлупе, крутые яйца, украинский хлеб, нарезанный щедрыми ломтями, куриные «пульки» (и как не протухли на этой жаре?). И в другой литровой банке клубника, пересыпанная сахаром, а рядом, в вошеной бумаге огромный кусок штруделя с вишней. Ну, яблоки, груши, сливы и абрикосы – это так... не считается. Ну, как же, ребенок приехал поправиться.

---

² Моя красавица – идиш.

– На, – говорила бабушка, – накушайся.

Как будто я голодала всю предыдущую жизнь?!

Плывущий в густом дурмане акаций и лип, засыпанный тополиным пухом, мой город волшебный, где ты? Где шоколадные, чуть влажные каштаны, которые я собирала под деревьями в траве, и они поблескивали из треснувших шипастых мячиков-скорлупок? Где ночи на песчаном пляже в Аркадии, с костром и цинковым, гремящим как корыто, огромным листом, положенным на два камня, выломанные штормом из волнореза и вышвырнутые на берег волной, и наполненным только что нарванными на волнорезе мидиями? И друзья, сидящие в кружок с гитарой и бутылкой «Рислинга»; пущенная по кругу и последняя сигарета на пятерых? А тут прожектор таранит темноту и прищипливает нас к месту своим лучом, и пограничники (потому что ночью эти пляжи превращаются в пограничную зону – через море Турция, вроде не враги, но граница все равно на замке).

– А ну, быстро отсюда! Не положено.

Мы забрасываем костер песком. Мидии остывают на листе, не успев потрафить нашим гурманским замашкам...

Я, пожалуй, здесь остановлюсь; воспоминания – это азарт своего рода. И надо знать, когда остановиться. А потом, когда-нибудь я вернусь в свою Одессу, укутанную флером прошлого и сказочного, в город-праздник, в город – мечту.

Ах, Одесса...

Цирк

Я никогда не любила цирк.

Вернее, не так – я невзлюбила цирк после одного-единственного представления.

В Одессу приехал знаменитый дрессировщик Вальтер Запашный со своими львами и тиграми. Моя бабушка Аделя, которая жизнь положила на то, чтобы привить мне любовь к добру, разумному и вечному – в том числе к животным, – решила, что поведет 4-летнюю меня в цирк, там в ребенке пробудится немедленно любовь к живому и прекрасному в виде зверей, воздушных гимнастов и клоунов, и я свою духовность, приобретенную таким образом, пронесу через всю жизнь, как факел. В общем, красота спасет мир, дайте животным жить, Гринпис победит и трам-пам-пам. Как-то так...

В цирке было полно народу. Взнервленные мамы с потными детьми, которые непременно хотели погладить обезьянку, сидевшую на плече у фотографа в фойе или сфотографироваться рядом с побитым молью чучелом бурого медведя с жутко оскаленной пастью и страшными стеклянными глазами, униформисты, снующие туда-сюда с какими-то ящиками, железными шестами и ведрами с песком...

Я схватила бабушку за руку и потянула к выходу. Не тут-то было! Бабушка зашла со мной в зал и я увидела огромную арену, которая на самом деле была не такой уж огромной. Но об этом я узнала через много лет. Диаметр любой цирковой арены 13 метров и ни сантиметром больше.

В зале стоял странный запах, который не был похож, например, на запах новогодней елки – свежий, веселый, праздничный или на запах дня рождения с запахом торта и свечек, которые я задувала. Запах цирка был тревожным и каким-то непривычным. Мне, маленькой девочке, трудно было понять, что именно я нюхаю. Сейчас я точно знаю, что там пахло болью, страданием и страхом.

Заиграла бравурная музыка и начался парад-алле. Потом были клоуны, были и воздушные гимнасты и вольтижеры. И вот под барабанную дробь на арену из распахнутых клеток пошли большие кошки. Я сидела ни жива, ни мертва, хотя по всей окружности арены была натянута прочная металлическая сетка.

Я многого не помню уже. Запомнился красавец дрессировщик в золоченом трико и с шамбарьером в руке, его «Ап!» и щелкающий звук кнута, и снова «Ап!» – уже с угрожающей интонацией, и лев, который так и не сдвинулся с места. И тогда красавец-дрессировщик начал хлестать льва по бокам и морде. Зверь отворачивался, нехотя переступал лапами, один раз даже поднял переднюю лапу, как бы защищаясь, но не хотел запрыгивать на разноцветную тумбу.

А дрессировщик, кажется, совсем слетел с катушек – он молотил кнутом по рычащей львиной морде, и лев вздергивал голову, и его роскошная грива колыхалась от резкого движения.

Я больше не могла на это смотреть. Я ревела в голос и кричала что-то сквозь сетку ограждения этому мерзкому дядьке. Бабушка быстро повела меня к выходу. Ей было очень стыдно за внучку, которая не сумела проникнуться любовью к такому яркому и веселому делу – к цирку. Ведь дети любят цирк...

Через много лет, когда у меня уже был маленький сын, она рассказала мне, что я тогда кричала.

Я кричала, что хочу, чтобы лев откусил голову своему мучителю и вообще сожрал его. А потом я открою клетки и выпущу на свободу всех зверей, которые живут в цирке. Я рвалась туда, на арену, чтобы, видимо, тут же начать акцию по освобождению животных. Но бабушка оказалась сильнее.

Со своим сыном я отправила в цирк свою маму. Через полчаса она привела его домой, красного и зареванного. «Мама, – икая и шмыгая, сказал мой трехлетний отпрыск, – там ведмежонок плакал. А его тетя шлепала по лицу палкой. Я не хочу так». «Мой сын», – подумала я.

В зоопарк мы не ходим по той же причине – смотреть на замороженного верблюда с висящей клоками шерстью и пьющего мутную воду из помятого алюминиевого корыта или на белого медведя, одуревшего от одесской жары и плюхающего пузом по мелкой теплой воде трехметрового бассейна, – просто невыносимо.

У моего 32-летнего сына есть собака – питбуль, которого зовут Хоп. Он уже преклонного возраста пес. А у меня кошка. Ей почти 21 год.

Говорят, животное само выбирает себе дом. Если это так, то нам с сыном повезло.

Шаланды, полные кефали

Мне 18 лет. я люблю жизнь, и у меня к ней – пока – никаких претензий.

Я наслаждаюсь относительной свободой, живя у бабушки с дедушкой. Это не то же самое, что жить с родителями, скажу я вам.

И, как результат самостоятельности – смена устремлений и конечных целей.

Просто голова кружится... Что может нравиться 18-летней девице, которая вырвалась на оперативный простор большого приморского города с роскошной историей, сомнительными и обожаемыми героями местного эпоса, веселым народом с его колоритным языком, жарким солнцем, синим морем, прекрасными пляжами и друзьями, случающимися каждую минуту – то в кафе, то на танцах, то на том же пляже...

Куча возможностей проявиться, понравиться, выбрать и отбросить то, что не нравится, фыркнуть в ответ на приветствие или, наоборот, улыбнуться – все теперь в моей власти.

Про наших соседей по одесской коммуналке уже, по сути, я рассказала. У меня теперь есть подруга Люда – дочка той самой медсестры Тамары Ивановны по кличке «Бульдозер», которая живет через коридор от нашей комнаты и работает в психушке на Слободке. Колоритная дама гренадерского роста и с волосами цвета напрочь выгоревшего сена и такой же текстуры, уложенными в громадную «халу», «Бульдозер» похожа скорее на продавщицу овощного магазина, чем на медработника. Но и то сказать – работать в скорбном доме – это не хухры-мухры, тут некоторая душевная грубость даже предпочтительна – меньше сама скорбеть будешь. Так нам Тамара Ивановна объяснила.

Люда старше меня – ей 21. Она учится в медучилище и тоже работает медсестрой, но хирургической. А я после знакомства с процентной нормой поступления в Ленинградский универ на журналистику, и получив по четырем сданным экзаменам четыре высших балла, но не найдя себя в списках поступивших, и попытавшись объяснить с конфликтной комиссией по этому поводу, поимела приватную беседу с председателем этой самой комиссии, которая мне популярно объяснила, почему мой пятый пункт менее предпочтителен, чем пятый пункт Оксаны Лебедек из деревни Малые Колтуны. «У нас норма – 1% представителей вашей национальности», – стесняясь и розовея ушами, объяснила мне ученая дама. Я глупо спросила – почему, на что мне со вздохом ответили – потому что...

Год пропал. Я уехала в Одессу и устроилась на работу в Государственную научную библиотеку имени А. М. Горького. Крупнейшую в городе. А оттуда уже, автоматом, поступила в Институт культуры на книгоиздательский факультет.

Ну, все это довольно скучно...

А веселуха началась у меня буквально с той минуты, как я вдохнула густой аромат акаций, соскочив с подножки вагона.

Меня встречали дед и бабушка. С огромным букетом моих любимых розовых пионов.

... Через пару дней мы с Людочкой отправились в кинотеатр Короленко смотреть самый крутой зарубежный фильм «И дождь смывает все следы». У нас были хорошие места в первых рядах, но они были уже заняты какой-то парочкой и я, заикнувшись, что, мол, ошибочка вышла и не могли бы молодые люди пересесть, тут же и пожалела об этом.

– Шо-шо? – приблатнённый Ромео сощурил один глаз, сплюнув в газетный кулечек усики и глазки вареных рачков (так в Одессе называются мелкие рачки, но ударение ставится на первом слоге), ви шота сказали или мне послышалось, миледи?

– Ой, Гарик, шо ты так нервничаешь? Девочки уже идут прямо и не оглядываются. Да, девочки? – отреагировала Джульетта, сильно смахивающая на посмертную маску Тутанхамона, ритуально раскрашенную и не успевшую хорошо просохнуть.

Тут Людочка, вздернув подбородок и цедя слова, чем поразила меня до изумления, так как я знала ее совсем другой – сдержанной и спокойной, – с типичной оттяжкой одесской произнесла:

– Шота тут щас пипснуло, не? – и она оглянулась на меня. Я кивнула. – Так, мальки придонные, быстро сделали ноги и шоб я вас долго искала... Считаю до трох. На счет раз начинаю сильно волноваться и не отвечаю за результат.

На счет раз оба начали выбираться из кресел и, проходя мимо нас, Ромео что-то тихо произнёс. Людочка ухватила его за пряжку ремня и сказала:

– Слюшай сюда, прищ, советую форточку прикрыть – сильно дует. А нет – так шоб ты знал, зародыш, я хорошо обращаю с хирургическим ножом. И от это от, шо ниже пряжки твоего ремня, могу тебе укоротить даже без личной просьбы пациента. Шоб ты знал.

Это был первый, но далеко не последний урок новой жизни, преподанный мне Людочкой. Мы ходили на море, набрав полную торбу фруктов и положив в самый низ свернутое «марселевое» (пикейное) одеяло. На топчанах обычно лежали курортники, потому что топчаны были платные. Можно было взять напрокат шезлонг и оставить в залог часы или паспорт, чтоб уж наверняка клиенты их не украли.

Но местная молодежь предпочитала раскладывать свои полотенца и пляжные подстилки на бетонной полосе ланжероновского массива, потому что справа располагался бетонный пирс, упирающийся в волнорез, а внизу справа был песочный пляж лягушатника, того самого, где плескалась малышня. Туда мы не ходили.

И вот мы лежим, намазанные защитным кремом, загораем, глаза закрыты. Вдруг мне на живот капает сверху. Дождь исключался.

Я открыла глаза и увидела уже сидящего сбоку от меня парня.

– Драссте, – произносит он. – Не бороздите свой девичий лобик морщинами. Ви меня не знаете. Но это поправимо. Я Толик, курсант «вышки».

Я знала уже, что «вышка» – это высшая мореходка.

– Таня, – говорю я.

– Приезжая? Я ж слышу – не местный выговор.

– Уже местная, – я потихоньку разглядываю крепкого и хорошо сложенного парня. У него короткая стрижка, темные волосы и глаза. Он симпатичный и улыбчивый, загорелый, мускулистый. Вот и все... Чего-то маловато. Судя по способу знакомства – это давняя домашняя заготовка, и он вылавливает такую плотву, как я, частенько, и я просто какая-нибудь 136-я однодневная любовь.

Людочки, кстати, поблизости не обнаруживается. Я увидела ее зеленую шапочку над водой массива. Людочка плещется у самых камней, где крабы перебегают от одной норки к другой. Рядом с ней, как поплавок, качается мужская голова.

Ну, значит, сегодня мы ангажированы, как минимум, на танцы.

– Танечка, – продолжает морячок, – а шо, ты одна пришла? С подругой? А я шо та не сильно ее вижу. Щас угадаю – куда она делася. Знаю – ее пригласили на заплыв Одесса – Николаев. Брассом. Не? О, угадал! Она вже не выдет с моря. Не, она не утопла. Просто у ней купальник смылся и она так долго мокнет у воде, шо у ней вирос хвост, и она теперь русалка.

Такой трёп скоро надоел мне, а Людочка все не шла.

Наконец вместе с «поплавком» они подошли к нам.

– О, Толян! – Людочкин спутник хлопнул курсанта по плечу.

– Боб! – в ответ получил тычок в живот «поплавок».

Оказались сокурсники. И – да, вечером предполагались танцы, во Дворце моряков.

Мы с Людочкой успели вернуться домой и даже отдохнуть и принять вместе душ в нашей коммунальной ванной. Это было сразу замечено Олечкой-«самашечей», той самой, что с немцами... Она пару лет назад «поехала головой» и теперь периодически попадала в заботливые

руки Тamarки-Бульдозера, и та, по-соседски, ее подлечивала. Ну, вот она-то первой и заметила наши приготовления.

– Шо я замечаю у нашей сауны сегодня? Я замечаю большие планы на вечер через это разбазаривание коммунальных платежей за водные ресурсы. Наши Золушки запрягают крис у кабак (крыс в тыкву) и едут – куда? На бал! Я таки права?

– А шо ви тут крутитесь, мадам Гриншпун? – Тамарка-Бульдозер вышла из комнаты и стоит напротив любопытной соседки. – Вам интерес зудит?

– Та я просто интересуюся...

Олька-«самашечая» отступает к своей двери.

– От не надо просто. Я чи не помню, чи забыла, када вы, пациентка Гриншпун, последний раз заходили нас навестить у нашем санатории для VIP-персон, шо находится на Слободке? А то я могу вне очереди по благу устроить.

На танцы мы с Людочкой пошли, и веселились там и танцевали так, что наши Толик и Боб, в конце концов, отошли в сторонку и наблюдали, как мы зажигаем с разными парнями и абсолютно не испытываем никаких угрызений совести.

Домой нас провожали другие морячки.

...Здесь, в Зурбагане (так я называю зачарованный мой город) я первый раз влюбилась, потом разочаровалась: мама моего избранника заявила, что только через ее труп сыночек женится на жидовке. В свою очередь моя бабушка сказала:

– Шоб я так имела мои цурес³, как ты выйдешь замуж за такого поца, за этого голя! Пусть он себе найдет шиксу, которая закопает его больную на голову мамашу живьем в землю.

...Потом, после моей просто киношной любви с последующими, далеко не киношными страстями, о которых я когда-нибудь расскажу, я влюбилась на всю жизнь (так мне казалось) и очень-очень потом родила сына.

Но это абсолютно другая история.

---

³ Проблемы – идиш.

О негасимой и большой любви

О негасимой и большой любви, которая случилась со мной в 19 лет.

У моей подруги Софы собиралась божественная компания, в которую каким-то образом, где-то на каких-то посиделках на очередной кухне, затесалась и я. Меня там держали за интеллектуалку и малышку. Все, реально, были намного старше.

Мы читали Вознесенского, Эдгара По, Цветаеву и Ахматову. Ваха Квиридзе пел под гитару Высоцкого и Окуджаву. Мы ходили на выставки импрессионистов, а потом до сорванного горла спорили на кухне у Софки (она жила одна, без родителей) под «Рислинг», кофе и сигареты. Туда Вика привела Сашу и две недели я, немая и несчастная от свалившейся на меня мУки, не смела поднять глаз на этого полубога.

Ну, и не ходила бы на эти вечерние посиделки... Так нет! Ходила, как на работу. Через две недели закончилось Викино счастье и началось мое. Потому что Саша, как сейчас говорят, на меня «запал». А я, дура, этого не знала. Ну, как вы понимаете, от моей бабушки скрыть что-то было просто невозможно.

– Это шо такое, я спрашиваю? – кричала она. – Нет, шо это такое?! Это глаза или это фары освещать темные переулки, где вы будете гулять с этим твоим шлимазлом⁴ Сашей?! Это так девушка сейчас идет выйти с молодым человеком, а, я вас спрашиваю? Это вот тепер называется скромная баришня? Ой, вэйзмир, какое щастье, шо твои родители тебя не видят! Я не знаю, шо могло бы быть, бедный твой папа, мой сынок, и бедная мать твоя! Ты же ж у гроб их загонишь, если они, паче чаяния, увидят этот Содом с Гоморрой на твоём лице! Иди немедленно умойся и расчеши этот сеновал на своей дурной голове! Шоб я так жила, как это красиво! Не смей так на меня смотреть, бесстыжая, стыд и срам! Как порядочный мальчик может пройтись рядом с такой?.. Нюся, Нюся (это дедушке), иди вже посмотри на эту гопницу! Ты видишь, как она виглядит? Что скажут соседи? Нюся!

– Оставь девочку в покое, Аделя, сердце мое! Сейчас у них в моде краски на лице. Пройдет...

– О! Теперь я знаю, у кого она такая! У твою родню, шоб они были все здоровы и счастливы на многие годы, тока не рядом с нами! А я думаю, шо такое? Почему МОЯ внучка совсем не похожа на меня. Так потому шо она похожа на тебя! Слава Богу, что у нас сыновья. Ой, я даже боюсь думать, шо могло бы вийти с дочерей, не про нас будь сказано!

Под такие монологи я собиралась и старалась поскорее смыться от греха.

Мы гуляли по Одессе, сидели у моря, целовались, курили одну сигарету на двоих и были счастливы, как могут быть счастливы люди, которым по 19 лет.

Но в нашу любовь был привнесен особый колорит – моя бабушка. Она всегда знала, где мы бываем. Это пугало. Казалось, у нее были повсюду глаза и уши. Ни разу она не ошиблась, рассказывая мне о наших передвижениях по городу.

Открылось все очень неожиданно. Мы с Сашей сидели на скамейке в парке и целовались, уже довольно долго не отрываясь друг от друга, и тут со стороны огромного гипсового вазона с декоративными цветами, что находился рядом с нашей скамейкой, донеслось придушенное бормотание: «Вэйзмир! Сколько можно уже!»

БАБУШКА!!!

– Саша!, – заорала я, – атас! Моя бабушка в кустах!

Саша вскочил, заозирался, но быстро взял себя в руки и сказал:

– Адель Григорьевна, вас застукали. Вылезайте.

Бабушка, кряхтя, пятилась задом и, наконец, появилась перед нами.

---

⁴ Недоразумением – идиш.

– Ну, – воинственно спросила она, – шо такое? Шо ви имеете мне сказать, молодой человек? Я дышу воздухом и уже собиралась идти домой. Уже прохладно. Танечка, может дать тебе вязанку (так в Одессе называли вязаные кофты и жакеты).

В общем, бабушка была на страже... Но не уберегла меня ни от чего.

Четыре года полного счастья были у меня. Потом мой Саша уезжал в Америку с родителями. И его мама с папой собирались говорить с моими родителями, чтобы те дали мне разрешение на выезд с Сашей в качестве его невесты (тогда еще так было можно, шел 1977 год). Но мой папа только год, как демобилизовался из армии, и еще так был зашорен и застегнут на все пуговицы, да еще и член партии, что даже с Сашей не захотел говорить. «Родину предавать! В Америку, к капиталистам!! Не дам разрешения!». Время шло, мой паспорт мне не отдавали, боялись (и правильно), что мы можем пожениться. В конце концов, срок визы истекал и Саша уехал.

Не хочу я писать, как и что со мной было...

Я писала письма каждый день, но в ответ получила только два письма за полтора года.

В 1980 году я вышла замуж за героического моряка и отца моего сына.

Через два года после моего замужества мама решила расставить все точки над і.

Она пришла к нам домой (муж мой был в рейсе) и положила на стол в гостиной объёмистый пакет из коричневой бумаги, в которую когда-то паковали бандероли на почте. «Посмотришь, когда я уйду», – сказала мама. Мы посидели, поговорили о том о сём, выпили кофейку с маковым рулетом, который принесла мама. А когда она ушла, я взяла ножницы и разрешила пакет.

Там было 134 письма от Саши и 15 вызовов. Последний – в год моего замужества.

Через 30 лет, уже живя здесь, я нашла своего Сашу через Интернет. Он был вторично женат. Имеет трех дочерей. В обоих браках несчастлив. Мы общались с ним в Интернете год, писали обычные письма, все вернулось. Он должен был приехать сюда, и я уже заказала гостиницу в Эйлате.

Но... сама же все и отменила. Потому что нельзя войти дважды в одну реку. Поверьте, нельзя...

Еще несколько одесских зарисовок

В продолжение одесской темы – несколько зарисовок из блокнота, который я нашла, как всегда, совершенно не там, где он мог бы находиться.

Июнь. Раннее утро. Мне 16 лет и я снова приехала на каникулы к бабушке с дедушкой. Сегодня у меня день рождения.

Я просыпаюсь и первое, что вижу – большая хрустальная ваза посреди стола. Она пронзительно сапфирового цвета, а в ней мои любимые лохматые пионы – белые и розовые. Потом я замечаю рядом что-то, накрытое льняным полотенцем. Встаю, подхожу к столу и уже знаю, что это бабушкина знаменитая вертута с вишней. Как божественно она пахнет. Она еще теплая, дышит и... Короче, я не знаю, как это получилось, но половину этой вкусноты я просто проглотила в одну минуту. Когда я дожевывала последний кусок, в комнату вошла бабушка с противнем, на котором лежало еще три таких вертуты.

– Ну, так, – сказала бабушка, – сначала с днем рождения поздравляю и желаю шастя и здоровья. А тепер скажи мне, мейделе, ты шо, обьязана была вот это вот впихивать у себя с утра пораньше? Даже не почистив зубы? Фу, это ж негигиенично, – она посмотрела на меня укоризненно, качнула головой и добавила, – а!! Шоб они повЫздыхали, эти хазЕйрэм, эти швицеры советские, шоб я еще раз у них купила мясо. Ты понимаешь, момеле, я уже была в гастрономе в семь часов и купила У НИХ мясо, так она мне свесила одно, а завернула другое. Паразитка! – бабушка снова помолчала и добавила вдруг, – а ты кушай, доченька, кушай. Вот же я ещё спекла. Накушайся уже, наконец, бедное дитя...

Так моя бабушка могла говорить одновременно обо всём, и я никогда не знала, чем закончится очередной её монолог. Но вот именно эти сюжетные повороты я у нее и любила.

Мне всегда нравилось сидеть на подоконнике и смотреть вниз, на любимую мою Пушкинскую, по которой ходил троллейбус номер 1. Поливальная машина ехала по брусчатке, и мостовая становилась как крышка шкатулки, сделанной из ракушек, покрытых лаком. Каштаны заглядывали в окна, никто не подрезал их кроны и они смыкались аркой над улицей. Это было очень красиво. Подоконник был широкий – около полуметра, и я свободно могла сидеть на нем часами. Если шел дождь – я видела внизу сплошные раскрытые зонтики всех цветов. Тогда, в семидесятые, как раз начался бум на японские зонтики-автоматы. Улицы в дождь расцветали такими яркими красками, что смотреть на это было сплошное удовольствие. Такой зонтик фирмы «Три слона» стоил бешеных денег – 25 рублей. Я получала 62 руб. 50 коп., как работник умственного труда (работала в библиотеке). Могла себе позволить купить вожде- ленный зонтик, насобирав с пяти зарплат по 5 рублей. И вот мы с Людой, моей подружкой, идём к спекулянтке, по большому блату, после нескольких уточняющих звонков по телефону. В классическом одесском дворе-колодце мы отыскиваем нужную дверь и поднимаемся по винтовой «чёрной лестнице» на третий этаж. Лестница крутая, пахнет на ней соответственно – мусорные ведра из всех коммуналок выставлены именно у дверей черного хода. На тройной стук нам открывает рыжая худая женщина с сигаретой в пальцах, унизированных диковинными кольцами, в красных эластиковых колготках и клетчатой ковбойской рубаше почти до колен. Эта мода пошла после фильма Гайдая «Кавказская пленница» – там Наталья Варлей тоже танцевала в колготках, только синих, и в клетчатой ковбойке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.